

ORIGINS OF EARRINGS WITH MOVABLE PENDANT OF MIDDLE AVAR PERIOD*

Iлона Kovrig and Zlata Čilinská, who first created a typochronological system for the female jewellery of the Avar period, classified earrings with a round hoop and a bead pendant solely on formal grounds, based on the section of the hoop, the number of beads and their position on the hoop (Kovrig I., 1963, pp.161-162, Types a and b; Čilinská Z., 1975, pp.77-79, Type IX). They apparently paid little attention to one particular feature of these earrings, or simply thought it unimportant, namely that the bead pendants were attached to the hoop in one of two ways: they either had a fixed position or were movable. This is all the more remarkable because the fact that the gold earrings from Ozora-Tótipusztá, Igar and Kiskörös-Vágóhid (Kovrig I., 1963, pp.162-163; Čilinská Z., 1975, p.79), regarded as the formal prototypes of these earrings, had movable pendants was clearly visible on the first published drawings and photos. The unusual and unique structure of the three earrings was noted by Éva Garam in her study on an unprovenanced pair of earrings with movable pendant in the collection of the Hungarian National Museum. "Gold earrings with a gemstone pendant (most often amethyst, pearl, or carnelian) whose sideward movement is restrained are typical pieces of rich Middle Avar assemblages. Earrings with a comparable structure and form are known from the burials at Ozora-Tótipusztá, Igar and Kiskörös-Vágóhid" (Garam É., 1980, p.160, Fig.4, 1, 2).

Adrien Pásztor elaborated a typology of one variant of round hooped earrings with bead pendant, namely the ones with movable pendant, recovered from burials or discovered as stray finds published until the mid-1980s (Pásztor A., 1986, pp.113-129). This was no easy task since most publications rarely paid attention to this structural detail and neither can the way in which the pendant is attached to the hoop be always ascertained from the published photographs and drawings. The publication of the Sommerein cemetery in the Leitha Mountains is one notable exception in this respect since a section of the earring's pendant was also shown on the plates presenting the grave goods (Daim F., Lippert A., 1984, Pl.12, 2/1-2/2; Pl.19, 2/1/1-2/1/2; Pl.26, 3; Pl.31, 1/1-1/2; Pl.63, 3/1-3/2; Pl.68, 1/1, 3/1-3/2; Pl.119, 4/1-4/2; Pl.128, 4). It must also be borne

in mind that the basic typology elaborated by Kovrig and Čilinská has been refined and complemented with new formal variants based on the cemetery publications of the past fifty years, such as the manufacturing technique and decoration of the cylindrical, conical or pyramidal capping or ring attached to the axis of the hoop and the number of the tiny wire rings adorning the hoop. In addition to these formal elements, Pásztor also took into consideration a structural difference in her typology of these round hooped earrings with movable pendant, namely whether the pendant was simply strung on the hoop or whether the loop of the pendant was set between two flaring sections on the lower part of the hoop (Pásztor A., 1986, pp.113-129).

According to Pásztor, the structural and technical similarities between the earrings with movable pendant set with a gemstone, amber or pearl from the rich Middle Avar burials at Ozora-Tótipusztá, Igar, Dunapentele and Kiskörös-Vágóhid, as well as the stray find from Óbuda suggest that "some of the jewellery pieces worn by the elite were made in the same workshop" (Pásztor A., 1986, p.129, note 89, with a list of the shared features). She concluded that the much simpler bronze earrings with movable bead pendant were copies of the magnificent earrings made by local craftsmen and that the workshop where the prototypes of the local copies had been produced lay beyond the Avar settlement territory. Although Pásztor claimed a Byzantine origin for this jewellery type in the Russian and German summary of her study (Pásztor A., 1986, p.134), the question of possible Byzantine origins was essentially left open: she merely quoted Gyula László and István Bóna, who had pointed out that the gold earrings with movable pendant had been found together with Byzantine and Byzantine type jewellery at Kiskörös-Vágóhid and Ozora-Tótipusztá, and Éva Garam, who had voiced her belief that the gold pair in the Hungarian National Museum had been crafted in a Byzantine workshop (Pásztor A., 1986, p.129, notes 90-93).

In fact, Garam was not speaking about the earrings in the Hungarian National Museum, but about another, virtually identical pair as being a Byzantine product.

* I am indebted to Magdaléna Seleanu for the English translation and to Florin Curta for the proofreading.

Published in 1952, the earrings in question are part of the Diergardt Collection of the Römisch-Germanisches Museum in Cologne. Nowhere did Garam expressly state that the earrings in the Hungarian National Museum "had in all likelihood been manufactured in Byzantium" since she did not discuss the origins of the pieces with a similar form and structure from Ozora-Tótipusztá, Igar and Kiskörös-Vágóhid in the quoted study (Garam É., 1980, pp.160, 164, note 10).

Garam republished the unprovenanced pair of earrings, the pair from Dunapentele and the pairs from Kiskörös-Vágóhid and Ozora-Tótipusztá in the catalogue of the gold finds from the Avar period in the collection of the Hungarian National Museum (Garam É., 1993, p.63, no.20d, Pl.27, 8, 9 (Dunapentele, Grave 12); p.75, no.77, Pl.39, 5, 6 (unprovenanced); pp.81-82, no.101a, Pl.48, 1, 2 (Kiskörös-Vágóhid, Grave VIII); pp.83-84, no.101d, Pl.50, 7, 8 (Kiskörös-Vágóhid, Grave II); p.100, no.122, Pl.85, 1-4 (Ozora-Tótipusztá). The illustrations on Pl.50, 7-8 and Pl.85, 1-4 are accompanied by a drawing showing the finer details of the pendant). While she described these gold earrings as the most magnificent and earliest pieces among the earrings with movable pendant, she modified her earlier, uncertain position regarding their origins and unhesitatingly derived them from Byzantium, although without any arguments to bolster her claim (Garam É., 1993, pp.26, 44). It is therefore hardly surprising that together with the earrings from Igar, the six earring pairs appear among the gemstone and pearl decorated earrings in her comprehensive monograph on the Byzantine finds of the Avar period (Garam É., 2001, pp.29-32, Pl.11, 4-8; Pl.12, 3, 5; Pl.VII, 1, 2, Pl.VIII, 2; Pl.IX, 1). Although earrings with bead pendants were not typical pieces of Early Byzantine jewellery, and neither do earrings with a hoop and hook fastener occur among Avar earrings with bead pendant, Garam correctly noted that the bead pin soldered to the hoop and the drop shaped gems set in a conical capping were popular elements on other jewellery items made by Byzantine goldsmiths. The lack of instantly recognisable and direct Byzantine parallels, already noted by Pásztor (Pásztor A., 1986, p.129, note 88), and the presence of elements which could be derived from Byzantium led Garam to conclude that the gold earrings with mov-

able pendant recovered exclusively from female burials containing also a rich array of lavish Byzantine articles were not Byzantine products, but finely crafted pieces modelled on Byzantine prototypes made by Onogur Bulgar or Avar goldsmiths (Garam É., 2001, p.31).

In her first study on this jewellery type, Garam quoted a similar earring with movable pendant from the Kelegeia assemblage (Garam É., 1980, p.160). In a later study, she also regarded the pieces recovered from the burials at Yasinovo, Zachepilovka (Novi Sanzhary) and Romanovskaya stanitsa as good parallels to the Avar earrings (Garam É., 1993, p.43; 2001, pp.31-32), although without any discussion of the nature of the similarities between these pieces and without addressing the issue of a possible relation between earrings dated to more or less the same period, which had been found in the steppe regions north of the Pontic and in the Avar lands.

Anatoliy K.Ambroz, who first constructed a typochronological system for the early medieval assemblages of the Eastern European steppe, assigned the earrings from Novi Sanzhary to the group of 8th century Avar earrings with fixed bead pendant. He did not regard the earring with movable pendant from Kurgan 5 of the Katanda II site in the Altai as a separate type (Амброз А.К., 1971a, рис.8, 12, 13, 24; 1971b, с.123). In a later study, he derived earrings with a bead pendant, such as the pair from Novi Sanzhary, from Byzantine prototypes, noting that their variants remained fashionable in the nomadic societies of the steppe for long centuries (Амброз А.К., 1981, с.18)².

István Erdélyi, one of the few scholars to study in person the finds in collections and the records in various archives during the Soviet era, naturally included the finds from the burials quoted above in his book devoted to the Avar period finds of the Eastern European steppe intended for a Hungarian readership. He did not discuss the earrings at length, even though the mechanism of their movable pendant set in a recess between flaring sections of the hoop can be clearly made out on the photos illustrating the pieces from Yasinovo and Romanovskaya stanitsa³.

Aleksander I. Aibabin, who republished the equestrian burial discovered at Yasinovo in 1889/90 according to modern standards (Айбабин А.И., 1985,

¹ She had compared the earrings from Yasinovo and Zachepilovka to the pieces from Ozora-Tótipusztá in an earlier study written in the 1970s, although at the time she focused on the gemstones adorning the pendants (Garam É., 1979, p.54, notes 32-33).

² Although the caption to Fig.7, 27 specifies Hlodosy as the find-spot, the earrings shown in Fig.7, 27, 28 are the ones from Novi Sanzhary.

³ Erdélyi I., 1982, p.37, Appendix 12: "Pair of gold earrings with amethyst pendant, whose shape resembles melon-seeds" (Yasinovo); pp.38-39, Appendix 15a: "two pairs of earrings, one with a melon-seed shaped amethyst pendant" (Novi Sanzhary); pp.41-42, Appendix 18: "earrings: 1 pyramidal of gold, 1 with a pendant (fragmentary)" (Kelegeia); pp.54-55, Appendix 30: "Gold earring, the pendant is missing" (Romanovskaya stanitsa).

c.191-197, рис.1-7), briefly mentioned in his description of the finds that the pair of earrings had a movable pendant set with amethyst and that comparable earrings were known from the burials brought to light at Kelegeia, Novi Sanzhary and Romanovskaya stanitsa, all of which produced Byzantine coins. Unfortunately, the drawings of the earrings from Yasinovo and Kelegeia do not illustrate this structural element (Айбабин А.И., 1985, с.195, рис.2, 10 (Kelegeia) and рис.11, 12 (Yasinovo)). At about the same time, Aleksey I. Semenov published a reconstruction and reassessment of the grave containing also a partial horse burial found near Romanovskaya stanitsa in 1884 (Семенов А.И., 1985), noting that the large gold ring with suspension loop described in the official inventory of the finds and the small gold buckle with tongue and pin made from a wire ring in the register of the State Historical Museum in Moscow can be identified with the earring with movable pendant, which together with the majority of the finds from Romanovskaya stanitsa is now housed in the Moscow museum (Fig.10) (Семенов А.И., 1985, с.90-91)⁴. The uncertainties in the interpretation of this piece were probably caused by the fact that the gemstone and the beads adorning the pendant and the upper bead pin had been missing when the finds were first catalogued. Regarding the earring, Semenov mentioned that it was more solid than the much later dated Saltovo type specimens and that its hoop was round, and that its best parallels can be quoted from Yasinovo (Семенов А.И., 1985, с.96). The drawing of the earring does not show the characteristic flaring hoop sections and the recess for the pendant well visible on the photographs published earlier by István Erdélyi and Vladislav V. Kropotkin (Семенов А.И., 1985, рис.7, 2; Кротопкин В.В., 1962, рис.18, 5; Erdélyi I., 1982, Appendix 30).

Russian scholars tend to lump together earrings with round or oval hoop and bead pendant (either composite or cast in one) within a single, so-called "Saltovo type" (Сташенков Д.А., 1997, с.61; 1998, с.215-216). Such earrings were in fashion between the late 7th and the 10th century within a vast region of Eastern Europe, Central Asia and southern Siberia. Because of the wide chronological boundaries and widespread distribution, Russian scholars distinguished several regional and chronological groups based on the material, form and attachment mechanism of these earrings (Сташенков Д.А., 1997, с.61, 63; 1998, с.219, рис.5, 6). For example, the earrings recovered from the Novinki type kurgan burials at the Samara Bend region of the Middle Volga the 1980s and 1990s are mostly composite pieces on which the hollow metal, glass bead or gemstone pendant attached to the lower part of the hoop is either

fixed or movable (the latter generally featuring the recess set between flaring hoop sections) (Сташенков Д.А., 1997, с.63, and the plate on p.62; 1998, с.221). In view of the fact that the Samara-Simbirsk pieces differ from the classical, predominantly cast Saltovo type earrings not only regarding their mechanism, but also in terms of their chronological position since they are earlier, Dmitriy A. Stashenkov, who first described these pieces, suggested that they should be labelled the "Khazar variant" (Сташенков Д.А., 1997, с.63; 1998, с.221). He assigned the gold earrings from Yasinovo, Kelegeia, Novi Sanzhary and Romanovskaya stanitsa to the early, "Khazar" variant of Saltovo type earrings, which in his view were modelled on a common Byzantine prototype. He believed that the classical Saltovo variant developed from these pieces (Сташенков Д.А., 1997, с.63-64).

Stashenkov slightly changed his views following the discovery of the earrings in the Lihachevka cemetery and in the light of the pieces depicted on early Turkic stone statues. He claimed that this jewellery type had evolved in southern Siberia during the 7th century, whence it was mediated to the Pontic steppe by the Turks, where local goldsmiths familiar with Byzantine techniques modified the type to suit the taste of their Bulgar-Khazar patrons. He rejected the possibility that the "Iranian" earrings with a bead or gemstone pendant depicted on 4th-6th century Sassanian metal vessels and 7th-8th century Sogdian wall paintings had influenced the appearance of Saltovo type earrings (Сташенков Д.А., 1998, с.220, рис.2-4). Stashenkov correctly noted that the Saltovo type and the Avar earrings with bead pendant shared many similarities in terms of their typological development; however, his efforts to synchronise the relative chronology elaborated by Falko Daim for the earrings of the Avar cemetery at Leobersdorf with his own absolute typochronological framework for the Saltovo type earrings was essentially erroneous (Сташенков Д.А., 1998, с.218, 222, рис.6).

In 1999, Aleksey V. Komar, an eminent representative of post-Soviet early medieval archaeological research, published his monumental study on the chronology of the pre-Saltovo and early Saltovo period on the Eastern European steppe. In his discussion of the typochronology of the Kelegeia burial, which he assigned to the Pereshchepyne horizon (680-705), he noted that the other earring from the burial represented the "Khazar" type as defined by Stashenkov, which only became truly widespread in the next period, the Voznesenka horizon (Yasinovo, Hlodosy, Novi Sanzhary, Romanovskaya stanitsa, Direktorskaya Gorka, Kamunta). In addition to quoting the pieces known from Novinki type burials and Kurgan 5 of the Katanda II site in the Altai, he

⁴The finds in Moscow, including the earring, were republished with colour photos by Menghin (Menghin W., 2007, S.315-316).

was the first to note the similarity with the earrings from Ozora-Tótipusza. In his view, the earring with emerald pendant from Pereshchepyne represented the earliest variant of the “Khazar” type, and he quoted a similar specimen dated by means of a silver coin struck for Emperor Constantine IV and found in Chamber 257 of the Eski Kermen cemetery (Комар А.В., 1999, с.113-114, 118, табл.1, 118-124, 128)⁵.

Komar returned briefly to the question of “Khazar” type earrings, and especially their chronology, in his extensive study on the Shilovka kurgans (occupying a prominent place among the kurgan cemeteries of the Samara Bend), in which he discussed the pair of gold earrings with amethyst pendant and a gold earring with movable pendant (Figs 12-13) from the plundered burial chamber of Kurgan I. The earrings with amethyst pendant do indeed resemble the gold earrings, also fitted with an amethyst pendant, from Yasinovo, although the pieces from Shilovka have a fixed pendant, while the ones from Yasinovo have movable ones. Owing to this structural difference, which Komar disregarded, I would rather liken the Shilovka earrings with amethyst pendant to the pieces with fixed emerald pendant from Pereshchepyne. In Komar’s overview of the parallels to the earring with movable pendant, the pieces from Kelegeia occupy a prominent place; he quotes the earrings from Novi Sanzhary as best matching the wreath created from two rows of tiny granules on top of the pendant (Комар А.В., 2001, с.29, рис.5, 48-61).

Komar essentially repeated his earlier views on the typological connections of the earrings from Pereshchepyne, Novi Sanzhary, Kelegeia, Yasinovo, Shilovka, Romanovskaya stanitsa, Dorofeyevka and Hlodosy in his archaeological and historical reassessment of the Pereshchepyne assemblage. The earliest piece in his series of “Khazar” type earrings is the pair fitted with an emerald pendant from Pereshchepyne, followed by the pieces from Novi Sanzhary, believed to have been lost, but fortuitously rediscovered by Komar in the Museum of Historical Jewellery of Kiev, which turned out to represent the type with fixed pendant. Curiously enough, he did not include the Shilovka earrings with amethyst pendant, even though they obviously belong to this category, while he did mention the pieces with movable pendant from Kelegeia, Yasinovo and Shilovka. Regarding the origins and distribution of the type, he quoted the studies by Stashenkov mentioned above. Finally, Komar mentioned the fact, noted also by others, that the emerald used for the Pereshchepyne earrings, the amethyst for the pendants from Novi Sanzhary, Yasinovo and Shilovka, the sapphire gems set in the larger clasp from Romanovskaya stanitsa, as well as the emerald and amethyst used for the smaller

clasps probably all came from Byzantium, to where these gemstones arrived from Ethiopia, India and Ceylon. Komar also pointed out that the trade in pearls and gemstones was controlled by the state, as was probably the export of emeralds from Byzantium to the land of the Hephthalites in Central Asia (Комар А.В., 2006, с.62, 101-102, рис.24, 8-11, 14-19).

In his most recent work devoted to this subject, Komar discussed at length the “Turkic-Sogdian” type artefacts within the Pereshchepyne group, which had been distinguished earlier. Reviewing the 7th century sources on the Khazars, he notes that their authors, while living in the most diverse cultural milieus, all agreed that the Khazars were a branch of the Turkic peoples. Taking this explicit testimony as his starting point, Komar addresses the question of whether western Turkic burial customs and artefact types can be distinguished in the late 7th century archaeological material generally associated with the Khazars of the Eastern European steppe. Seeing that contemporary archaeological finds are lacking from the regions ruled by the western Turks, Komar examined the coiffure, costume, jewellery and various other articles of the Turk envoys portrayed on the frescoes of a hall in the Afrasiab Palace, seat of the Sogdian rulers, which are now dated to around 662, and compared them to the finds known from the Eastern European steppe (Комар А.В., 2008).

The fact that earrings with round hoop and drop shaped pendant resembling “Khazar” type earrings were worn not only by the Turks, but also by the Sogdians and the envoys from Chagania led Komar to conclude that this earring type was fashionable among the Central Asian nobles of Iranian descent, from whom the Sogdian Turks had adopted this jewellery. However, he did concede that a contrary influence cannot be entirely rejected because the earring type was also worn by the Altaic Turks. At the same time, the earring with movable pendant found during the 2001 season at Hoshoo-Tsaidam in Mongolia, during the excavation of the funerary monument to Khagan Bilge, who died in 734, can hardly be regarded as conclusive evidence for the Turkic origins of the type because it dates from a later period than the wall paintings. The occurrence of these “eastern” type earrings in the lavish burials of the Pereshchepyne group (Kelegeia, Hlodosy, Novi Sanzhary and Yasinovo on the Pontic steppe, and Shilovka in the Middle Volga region), and among the dress accessories on portraits of the Turks on the Afrasiab wall paintings, and the spread of certain Turkic burial customs on the Eastern European steppe in the later 7th century strongly suggests that the Khazar elite of the period was of Cen-

⁵ For the absolute dating of the Pre-Saltovo find horizon distinguished by the author, see Комар А.В., 1999, с.131-132; 2006, с.121-125, 237-238.

tral Asian, most probably of "Turkic-Sogdian" origin (Комар А.В., 2008, с.290, 296-297, рис.1, 3-8).

It is clear from the above overview that the researchers of the late 7th century archaeological heritage of the Avars and the Eastern European mounted nomadic peoples began to take notice of the earrings with movable pendant set in a recess flanked by flaring hoop sections at roughly the same time, although independently of each other. While Avar research generally derives the earrings with a bead pendant attached to a round and, later, oval hoop of the Late Avar period from the earrings with movable pendant, scholars of the early medieval archaeology of the Eastern European steppe regard the "Khazar" type earrings as the forerunners of the Saltovo type earrings enjoying widespread popularity in the 8th-10th centuries. The origin of the earring appearing without any visible prototypes among the Avars was sought in Byzantium; in contrast, a possible Iranian Sogdian and Turkic origin has also been suggested in addition to a Byzantine one in the case of the "Khazar" type earrings of the Eastern European steppe, which also appeared without any local forerunners. Garam and Komar both noted the similarities between the earrings with movable pendant from the lavish burials at Ozora-Tótipuszta, Igar, Dunapentele and Kiskörös-Vágóhid, regarded as the type assemblages of the Middle Avar period, and the "Khazar" type earrings of the rich Pereshchepyne assemblages, although neither offered a detailed discussion of the nature of the similarities between them.

There is a more or less general consensus among the scholars of the Avar period that Onogur Bulgar groups arrived to the Carpathian Basin from the Pontic steppe in the years before 681 (the exact date of this migration, surmised from the collation of the documentary evidence is not known). This theory offers a seemingly impeccable explanation for why the rich Middle Avar burials contain Byzantine jewellery items and the coins of Constans II and Constantine IV minted between 654 and 681, even though Byzantium had cut off the earlier annual subsidy and regular gifts sent to the Avars following their defeat at Constantinople in 626. I too agreed with the scholars who identified the burials of the Pereshchepyne circle, abounding in Byzantine gold coins and jewellery, with the heritage of the Onogur Bulgars led by Kuvrat, who was on good terms with the Emperor Heraclius, and believed that the Byzantine gold coins and jewellery appearing suddenly in the land of the Avars after a hiatus of fifty years did not arrive directly from Byzantium, but were brought here by the Onogur Bulgars seeking refuge from the Khazars among the Avars, who had acquired them while still in their previous lands in the Pontic. After review-

ing the 7th century numismatic finds of the Avar territory, Walachia and the Eastern European steppe from the perspective of the Onogur Bulgar migration theory, I concluded that there had existed a brief, 20-25 years long Byzantine-Avar alliance, whereby the Avars again gained possession of a substantial amount of Byzantine solidi and jewellery. Being fully aware of the weaknesses and pitfalls of both theories for the origins of the Byzantine coins and ornaments appearing without any apparent antecedents in the territory of the Avar qaganate, it occurred to me that a detailed comparison of the "Avar" and "Khazar" type earrings with movable pendant, distributed during roughly the same period in the Avar lands and on the Eastern European steppe, might furnish new evidence confirming or, conversely, refuting one or the other theory.

There can be no doubt that Garam and Komar regarded the creation of a structure preventing the sideward movement of the pendant as the similar mechanism of the earrings. Each of the earrings in question has two slightly flaring sections on the lower half of the hoop and the pendant is set in a recess perpendicular to the axis of the hoop between the two flaring sections. This goldsmithing technique is so distinctive and unique that its origins can most likely be sought in a single workshop circle. The creation of this mechanism was hardly an easy task without the necessary skills, as shown by the copies made by local craftsmen in the Avar lands, who in most cases did not even attempt to copy the mechanism, but simply placed a ring on each side of the pendant. In cases when they did try their hand at creating this mechanism, the result was a varied range of copies (Pásztor A., 1986, Fig.2, 10, 11, Fig.3, 8-17, Fig.4, 1-6, 8-11, Fig.5, 1, 2, Fig.6, 5-12, Fig.7, 1-8, 10, 11, Fig.8, 4-6).

The prototypes differ as regards the finer details of the flaring hoop sections on each side of the recess. The hoop sections widen into a trumpet-like flare with a single smooth curve on the smaller earring from Ozora-Tótipuszta, the piece from Grave II at Kiskörös-Vágóhid and the pair in the Hungarian National Museum (Fig.1 a, b; 2; 7). In contrast, the flaring section is barely curved and angular at the junctions with the hoop on the larger earring from Ozora-Tótipuszta, the pieces from Dunapentele, Igar and Grave VIII of Kiskörös-Vágóhid (Figs 3-5). While the stray earring from Csólyospálos, an unprovenanced piece in the Kecskemét museum (Fig.6), and the gold specimens from Grave II of the Avar cemetery at Topola (Bácostolya-Bánkert) can be assigned to the group of movable gemstone pendants, the sideward movement of the pendant on these pieces is prevented by a pair of biconical rings or granules soldered onto the hoop⁶.

⁶ For a drawing of the three earrings, see Garam É., 2001, Pl.12, 4, 6, 7. I am indebted to Csilla Balogh for the photo of the earring in the Kecskemét museum (inv. no.55.24.9).

The earrings from Yasinovo, Kelegeia, Romanovskaya stanitsa and Shilovka, generally the "Khazar" type earrings with movable pendant resemble the pieces with continuously curved flaring sections (Figs 10, 13, 17). The two earrings from Novi Sanzhary (Fig. 11) and the pair from Dorofeyevka occupy a special position among the pieces from Eastern Europe because even though the two hoop sections flanking the pendant are flared, the recess for the pendant is lacking. The pins for the beads and gemstones, and the small rings from which the pendants were suspended in the case of the piece from Dorofeyevka were simply soldered to the flaring section of the hoop⁷.

The other shared element of the earrings is that the pendants and the bead pins soldered to the upper part of the hoop were set with gemstones and pearls, the single exception being the earrings from Igar and Dorofeyevka, which were decorated with glass beads. The gemstones were polished to a drop or globular shape and perforated. Polyhedral gemstones only occur as secondarily reused pieces among the Avar and steppean assemblages discussed here, notably on the smaller clasp from Romanovskaya stanitsa.

Yet a third, seemingly unimportant feature among the common structural elements is that if an upper bead pin was also soldered to the hoop, it was invariably set obliquely to the axis of the pendant opposite the open end of the hoop in the case of the pieces from the Avar lands, as well as on the ones from the Eastern European steppe, the only exceptions being one of the earrings from Novi Sanzhary and the pairs from Yasinovo and Romanovskaya stanitsa. Only an earring crafted in this manner could be worn vertically, with the upper bead being in front of the earlobe, as shown on the Afrasiab frescoes (Комар А.В., 2008, рис. 1, 1, 2). Even though the oblique position of the upper bead pin was quite justified, it seems that this bothered the sense of symmetry of the Avar goldsmiths or their patrons because most of the locally made earrings with movable pendant and the Late Avar earrings with fixed pendant modelled on them have the upper bead pin and the pendant in line with the longitudinal axis of the hoop. These earrings were symmetric, but could only be worn obliquely. The Saltovo type earrings, which had developed from the "Khazar" type, retained the asymmetric position of the upper bead pin.

In addition to the many similarities, there are also major differences between the "Avar" and the "Khazar" type earrings with movable pendant. First among these is that the bead or gemstone pendant of the Avar earrings usually has a conical or pyramidal capping of the most varied form and decoration, an element generally lacking in the case of Khazar earrings; the few pieces with a capping have a very narrow opening at the base, which barely covers the upper part of the bead. It has been mentioned in the above that the angular rim of the flaring hoop section on some earrings from the Avar lands differs from the dynamic curve of the "Khazar" type specimens⁸. Moreover, these earrings share another similarity, which sets them apart from the other earrings with movable pendant, namely that there is a small biconical bead "underlay" on the upper or inner bead pin and that the hoop is adorned with one or two biconical rings (Figs 4-5). These elements and the earrings with two or three bead pins (Figs 3-4) are unparalleled in the corpus of Eastern European earrings with movable pendant. Neither can it be mere chance that the hoop of the "Avar" type earrings is circular (the only exception being the unprovenanced pair in the Hungarian National Museum), while the Eastern European pieces have an oval or almost oval form.

The hoop of the earrings in the Hungarian National Museum has a unique form, resembling an equilateral triangle with rounded corners (Fig. 7). The single almost identical earring, now in the Diergardt Collection of the Römisch-Germanisches Museum in Cologne (Fig. 8a), was allegedly found in a Visigothic burial in Spain (L'Art Mérovingien, 1954, p. 44, Pl. 26)⁹. According to our present knowledge, earrings with movable pendant do not occur among the Visigothic finds from Spain, in the Merovingian and early Carolingian material from France and Germany, or in the archaeological heritage of the Lombards of Italy or the 5th-8th century corpus of finds from Italy¹⁰. It seems to me that the Spanish and, more broadly, Western Mediterranean origin of the earrings with movable pendant in the Diergardt Collection can be challenged. Although the earrings in the Hungarian National Museum are unprovenanced, they are generally regarded as Byzantine products found on Avar territory since their publication by Garam. Seeing that aside from the unusual shape of the hoops, the earrings exhibit all the

⁷ For the identification of the earrings from Novi Sanzhary, see Комар А.В., 2006, с. 62, прим. 8. I am indebted to Aleksey V. Komar for the photo of the earrings, which are currently linked together in a chain-like manner. The pair of unique earrings fitted with two pendants from Dorofeyevka came to light from the burial deposited in a side-niche under Kurgan 13, lying on the terrace of the River Aksay, 8 km east of the Tsimliyansk Reservoir. See Кпрылов Е.В., 1992, с. 152-156, рис. 3, 7; 4 for the description and drawings of the earrings.

⁸ Although its hoop has a quadrangular section, the stray earring from Óbuda can also be assigned to this group. Adrien Pásztor regarded this piece as a late representative of the group: Pásztor A., 1986, p. 114, note 35, Fig. 8, 3; p. 124.

⁹ In the exhibition the pair of gold earrings (D 982a-b and D983a-b) was displayed under no. 17 in Case X, together with Visigothic finds from southern France and Spain.

¹⁰ I would here like to thank Mechthild Schulze-Dörlamm for providing me with the data on these regions.

structural elements of the earrings with movable pendant recovered from Middle Avar burials, this cultural attribution seems quite justified.

In 1986, the archaeologists of Rostov University investigated several kurgans enclosed within a rectangular ditch in the south-eastern end of the Tsimliyansk Reservoir on the left bank of the Don. These included Kurgan 14 of the Podgornensky IV site, under which they found a west-north-west to east-south-east oriented grave pit with a side-niche. Lying on the floor of the grave shaft was a harnessed partial horse burial (a bit with S shaped bars, a pair of stirrups with a strap loop and upward curving foot plate, and the iron buckles of the reins, the girth and the stirrup straps) and a partial sheep burial. The adult male laid to rest in the side-niche dug into the southern wall of the grave shaft was buried with his knife, his bow fitted with bone reinforcement plates and a few arrows placed in his quiver. His belt was adorned with pressed gilt bronze mounts and fastened with a cast bronze buckle. The hinged buckle had a kidney shaped ring and an openwork plate adorned with vegetal motifs. There were two solidi of Constans II found inside the skull and by the shoulder (MIB 23, 651/2-654; MIB 31, 662-667). Lying under the right temporal bone was a C shaped gold earring with a bead pin on the upper part, whose pendant was missing (Bezuglov S.I., Naumenko S.A., 1999, pp.397-398, 400, Figs 1-5)¹¹.

It is quite obvious from the published drawing (although not from the description) and the photo (Fig.9) that the piece in question is an earring with movable pendant, whose hoop with flaring sections enclosing a recess has the same unusual and rare form as the ones in Budapest and Cologne. The remarkable similarity in the size, form and structure of the hoops can hardly be mere chance and suggests that they were the products of the same workshop circle.

In the light of the earrings from Kelegeia, Novi Sanzhary, Romanovskaya stanitsa, Yasinovo and various similar, still unpublished pieces from the Don region quoted as parallels to the earring from Podgornensky, Sergei I. Bezuglov and Svetlana A. Naumenko noted that these earrings were fashionable between the mid-7th and the mid-8th century on the Eastern European steppe (although it must be borne in mind that the pair from Novi Sanzhary do not have a movable pendant). The burial was dated to the final third of the 7th

century, based on the minting date of the two Constans II solidi (Bezuglov S.I., Naumenko S.A., 1999, p.399). Komar pointed out that parallels to the cast openwork buckle, the bit and the stirrups do not occur in the burials of the Voznesenka horizon (705-725) (Комар А.В., 1999, с.121-123, 132), but only in the material of the next horizon, the Galiat-Gelenovka horizon (725-740, "calibrated" to 725-737 based on the historical record) (Комар А.В., 2006, с.124, 238), and he thus assigned Kurgan 14 of Podgornensky to this horizon (Комар А.В., 2006, с.90, 119), the implication being that the coins had been in use for 70-80 years before their deposition in the burial and could be regarded as the oldest pieces in the grave assemblage.

Grave I of Kurgan 3 at Romanovka excavated by Aleksey I. Semenov in 1987 shares countless similarities with the nearby site at Podgornensky both regarding the burial rite (a kurgan enclosed within a rectangular ditch, a harnessed partial horse burial, a sheep skeleton, vessel by the head) and the grave finds (stirrups with upward curving foot-rest, bit with S shaped bars, gold earring with movable pearl pendant fitted with a conical capping [Fig.15]), suggesting that it can hardly have been dug before the initial third of the 8th century. The perforated, worn solidus of Constans II (MIB 33, 662-667; Fig.16) worn as a pendant is likewise the oldest piece in the assemblage and thus unsuitable for dating it¹².

The same holds true for the coins from the Dorofeyevka and the Shilovka burials, which Komar assigned to the Voznesenka horizon (705-725) (Комар А.В., 2001, с.30; 2006, с.238, рис.53). The grave under Kurgan 13 at Dorofeyevka yielded a 20 carat solidus of Phocas (MIB 20, 603-607) and a 24 carat solidus of Heraclius (MIB 11, 616-625). The Phocas solidus is perforated once, the Heraclius coin is perforated in three spots, implying that one had been worn as a pendant, the other had been sewn onto the costume (Круглов Е.В., 1992, с.155, рис. 4, 1-2). The catacomb grave under Kurgan 1 at Shilovka contained a worn, perforated solidus of Heraclius (MIB 21, 625-629; Fig.14) used as a pendant (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.109, 188, рис.22, 1, табл.ХIII, 9 and a colour photo without page and figure number).

The dating of the Podgornensky burial to the 720s or 730s does not exclude the possibility that the earring from the burial, whose pendant had been missing at

¹¹ The two solidi of Constans II were mentioned by Semenov (Семенов А.И., 1991, с.126) and later published by Naumenko and Bezuglov (Naumenko S.A., Bezuglov S.I., 1996, p.247, Fig.1, 1, 2). Unfortunately, they accepted Semenov's inexact minting date of 661-663 for the second solidus. Aleksey I. Semenov kindly provided me with a photograph of the earring and the two coins in 1994.

¹² Semenov gave a brief description of the grave assemblage from Romanovka and the inexact identification of the solidus minting date (Семенов А.И., 1988, с.109), which was adopted by Russian and Ukrainian research (Bezuglov S.I., Naumenko S.A., 1999, p.400; Комар А.В., 2006, с.51). I am indebted to Aleksey I. Semenov for acquainting me with the documentation of the grave, which is still unpublished to the best of my knowledge.

the time of its deposition (Fig.9), was a similarly old piece crafted in the 650s-660s in the same, probably Byzantine workshop, where the pieces from Cologne and Budapest had been made (Figs 7, 8a). If this dating and derivation is correct, it provides yet another argument for assigning the pair from Budapest to the Middle Avar period and for challenging the Spanish Visigothic origins of the pair in Cologne.

The structural elements (biconical ring, the bead "underlay", two or three bead pins) and the slight differences (flaring angular hoop section, round hoop, the conical capping on the axis of the gem or bead pendant) of the earrings from the Avar lands clearly show that these pieces could hardly have originated from the Eastern European steppe. This is also confirmed by the chronological sequence of the "Avar" and "Khazar" type earrings with movable pendant insofar as the Eastern European earrings are later or, at the most, contemporaneous with the Avar ones, which according to the currently accepted chronology were the grave goods of burials from the final third of the 7th century or the early 8th century at the latest. The wall paintings in Afrasiab indicate that "Khazar" type earrings became fashionable in Sogdia from the 650s, whence they spread to the Eastern European steppe and the Turks of the Altai region and Mongolia. In contrast, the origins of the "Avar" type earrings should be sought in Byzantium in the light of the above, even if earrings with movable pendant of this type have not been found beyond the Avar lands with the exception of the unusual type represented by the pair in the Hungarian National Museum.

The three structural elements common to both the "Avar" and the "Khazar" type earrings with movable pendant (the flaring hoop sections on either side of the recess for the pendant, the use of gemstones and pearls, and the slightly asymmetric position of the upper bead pin) certainly bespeak a common workshop tradition. This jewellery type must therefore have appeared in a region for which there is clear evidence of the use of earrings with the three basic traits mentioned above, as well as of a supply of gemstones and pearls. Sogdia, suggested by Komar, fits all of these criteria.

The fashion of these earrings spread from Sogdia not only to the nomads of the steppe, but also Byzantium, where they were modified by the goldsmiths, who added Byzantine elements to the basic Sogdian type. This would explain the "Byzantine" nature of the "Avar" type earrings, correctly perceived by Garam, which is entirely lacking from the original Sogdian and "Khazar" types, since the latter barely modified the original Sogdian form. In contrast to Stashenkov, I would not reject the possibility that Sogdian craftsmen had copied the earrings known from Sassanian metal vessels and that the origins of the type should in

fact be sought in Iran, a region which maintained ties with both Byzantium and Central Asia. The earrings with unusual hoop from Podgornensky, Budapest and Cologne suggest that the Byzantine type gold earrings with movable pendant had reached not only the Avars, but other mounted nomads of the Eastern European steppe too.

Seeing that there is no direct typochronological link between the "Avar" and "Khazar" type earrings and that there is no plausible alternative to deriving the gold earrings with movable pendant known from the Avar lands other than from Byzantium, their sudden appearance can be interpreted as reflecting a new Byzantine-Avar "interstate" agreement, whereby the Avar nobles again received substantial amounts of Byzantine *solidi* and jewellery from the 650s, reflected also by the appearance of the coins of Constans II and Constantinus IV without any apparent preliminaries. Although the Iranian-Sogdian gold earrings adopted by the Byzantine goldsmiths were in use for a short time only, they had a lasting cultural impact on jewellery: the earrings with bead pendant which can be derived from them were worn throughout the 8th century, until the end of the Avar period.

I received a photo of the smaller pair of earrings from Ozora-Tótipusztá (Fig. 1a) after closing the manuscript¹³. I had originally requested the photo from the Department of Migration Period Archaeology of the Hungarian National Museum in order to be able to publish a photo of these earrings, which had until now only been known from drawings. While studying the excellent photos, I was surprised to discover seams indicative of soldering not only at the junction of the flaring hoop sections and the hoop, but also at the junction of the inner side of the rim of the flaring section and the small bar from which the pendant is suspended (Fig. 1b, blue and red arrows). The fact that the diameter of the bar connecting the two flaring sections is smaller than that of the hoop too indicates that this mechanism is made up of several elements and was crafted in several steps. Unfortunately, no similarly good quality photos of the other earrings with movable pendant in the Hungarian National Museum are available. The colour photos published by Garam indicate that the flaring hoop section of the larger pair from Ozora-Tótipusztá, the pieces from Igar and the earrings from Dunapentele too were soldered (Figs 3-5), while the much wider flaring sections on the earrings from Grave II of Kiskörös-Vágóhid have no solder seams at the junction with the hoop (Fig. 2). It cannot be established from these photos how the inner side of the flaring section and the small bar from which the pendant is suspended were joined to each other, and neither can anything be said about the

¹³ I would here like to thank Éva Garam and Zsuzsanna Hajnal for sending me the photograph of the earring.

small bars themselves, not only because of the poorer quality of the photos, but also because, in contrast to the smaller pair of earrings from Ozora-Tótipuszta, in whose case the small bar adjoining the flaring hoop section can be clearly made out in the small gap between the loop of the pendant and the flaring hoop sections, the loop of the pendant completely fills the space between the flaring hoops sections.

The quality of the photos showing the "Khazar" type earrings from the Pontic steppe is unsuitable for making any observations concerning technical details. The single exception in this respect is the colour photo of the earrings from Romanovskaya stanitsa (Fig. 10), the two earring pairs from Novi Sanzhary (Fig. 11), and the pieces from Podgornensky and Kelegeia (Figs 9, 17). Although seams indicative of soldering on the flaring hoops sections cannot be made out on these photos, only in the case of the earring with missing pendant from Podgornensky can it be established with certainty that

the flaring sections and the bar with the recess between them were created in one, without soldering (Fig. 9). In contrast, the mechanism of flaring hoops sections enclosing a bar with a recess was made by soldering in the case of pieces in Cologne (Fig. 8b)¹⁴, resembling the unique hoop form of the earring from Podgornensky. The ultimate clarification of how the mechanism of the earrings with movable pendant discussed here was created can be expected from a minute technical examination. The same holds true for the verification of the hypothesis presented here that the mechanism soldered together from several elements as observed on the smaller earrings from Ozora-Tótipuszta is generally typical for "Avar" type earrings, while the goldsmithing technique noted in the case of the earrings from Podgornensky, the creation of the flaring sections enclosing the bar with the recess from the hoop itself was more characteristic of the "Khazar" type earrings with movable pendant.

П.Шомоди

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕРЕГ С ПОДВИЖНОЙ ПОДВЕСКОЙ СРЕДНЕАВАРСКОГО ПЕРИОДА*

И.Ковриг и З.Чилинска, которые первыми разработали типолого-хронологическую систему для женских украшений аварского периода, классифицировали серьги с округлой дужкой и подвеской-бусиной исключительно по формальным признакам, основываясь на сечении кольца, количестве бусинок и их местоположении на дужке (Kovrig I., 1963, pp.161-162, типы a и b; Čilinská Z., 1975, pp.77-79, тип IX). Они, очевидно, не обратили внимания на одну специфическую особенность этих серег или просто сочли ее незначительной, а именно, что подвески-бусины присоединялись к кольцу двумя способами: они были либо зафиксированы, либо подвижны. Это вызывает удивление, поскольку то, что золотые серьги из Озоры-Тотипусты, Игара и Кишкёреш-Вагохида (Kovrig I., 1963, pp.162-163; Čilinská Z., 1975, p.79), считающиеся формальными прототипами таких серег, имели именно подвижные подвески. Было отчетливо видно на первых же опубликованных рисунках и фотографиях. Необычная и уникальная конструкция этих трех серег была

отмечена Е.Гарам при исследовании пары серег с подвижными подвесками неустановленного происхождения из собрания Венгерского Национального Музея. "Золотые серьги с подвесками из драгоценных камней (чаще всего аметиста, жемчуга или сердолика), чье движение в стороны ограничено, — типичные предметы в богатых среднеаварских погребениях. Серьги похожей конструкции и формы известны в захоронениях из Озоры-Тотипусты, Игара и Кишкёреш-Вагохида" (Garam É., 1980, p.160, Fig. 4, 1, 2).

А.Пастор разрабатывала типологию одной разновидности округлых кольцевидных серег с подвесками-бусинами, т.е. с подвижными подвесками, найденных в погребениях или в виде случайных находок и опубликованных до середины 1980 гг (Pásztor A., 1986, pp.113-129). Это было нелегкой задачей, поскольку в большинстве публикаций редко уделялось внимание этим конструктивным деталям, и ни в одном из случаев по опубликованным фотографиям и рисункам нельзя с уверен-

¹⁴ I am indebted to Friederike Naumann-Steckner for the photo showing a detail of one of the earrings (inv. no. D6633a) of the pair in the Römisch-Germanisches Museum (inv. no. D 6633a-b).

*Автор признателен Д.В.Пилипенко за перевод статьи на русский язык.

ностью сказать, каким именно образом подвеска присоединялась к дужке. Публикация грунтового могильника Соммерейн [Sommerein] в Лейтских горах [Leitha Mountains] – одно приятное исключение в этом отношении, так как на иллюстрациях, представляющих погребальный инвентарь, были даны сечения подвесок серег (Daim F., Lippert A., 1984, Pl.12, 2/1-2/2, Pl.19, 2/1/1-2/1/2, Pl.26, 3, Pl.31, 1/1-1/2, Pl.63, 3/1-3/2, Pl.68, 1/1, 3/1-3/2, Pl.119, 4/1-4/2, Pl.128, 4). Следует также принять во внимание, что основная типология, разработанная И.Ковриг и З.Чилинской, была уточнена и дополнена новыми формальными вариантами, основанными на публикациях могильников за прошедшие пятьдесят лет. В них описаны технология производства и украшение цилиндрического, конического или пирамидального “колпачка” или кольца, прикрепленного к оси дужки, а также количество крошечных проволочных колечек, украшающих дужку. В дополнение к этим формальным элементам А.Пастор также учла в своей типологии структурное различие этих круглых кольцевидных серег с подвижными подвесками, а именно, была ли подвеска просто нанизана на дужку, или же петелька подвески располагалась между двумя расширениями в нижней части кольца (Pásztor A., 1986, pp.113-129).

Согласно А.Пастор, конструктивные и технические аналогии между серьгами с подвижным подвесным набором с драгоценным камнем, янтарем или жемчугом из богатых среднеаварских погребений в Озоре-Тотипусте, Игаре, Дунапентеле и Кишкёреш-Вагохиде, а также случайными находками из Обуды позволяют предположить, что “некоторые из ювелирных украшений, носимых элитой, были сделаны в одной и той же мастерской” (Pásztor A., 1986, p.129, note 89 с перечнем общих черт). Она пришла к заключению, что гораздо более простые бронзовые серьги с подвижными подвесками-бусинами были копиями великолепных серег, изготовленных местными мастерами, и что мастерская, где были произведены опытные образцы местных копий, находилась за пределами заселенной аварами территории. Хотя А.Пастор в русском и немецком резюме к своей работе утверждала, что этот тип украшений имеет византийское происхождение (Pásztor A., 1986, p.134), вопрос о возможности такого происхождения, по существу, остался открытым: она просто цитировала Д.Ласло и И.Бону, отмечавших, что в Кишкёреш-Вагохиде и Озоре-Тотипусте золотые серьги с подвижными подвесками были найдены вместе с византийскими драгоценностями и украшениями византийского типа, и Е.Гарам, которая выразила уверенность, что золотая пара серег из Венгерского Национального Музея была изготовлена в византийской мастерской (Pásztor A., 1986, p.129, notes 90-93).

На самом деле Е.Гарам назвала византийскими не серьги из Венгерского Национального Музея, а другую, практически идентичную пару. Будучи опубликованными в 1952 г, указанные серьги являются частью коллекции Диргардта [Diergardt Collection] Римско-германского Музея в Кельне. Нигде Е.Гарам прямо не утверждала, что серьги из Венгерского Национального Музея, “по всей вероятности, были изготовлены в Византии”, поскольку в упомянутом исследовании она не рассматривала происхождение экземпляров такой формы и конструкции из Озоре-Тотипусты, Игара и Кишкёреш-Вагохиды (Garam É., 1980, pp.160, 164, note 10).

Е.Гарам переопубликовала пару серег неустановленного происхождения, пару из Дунапентеле и пары из Кишкёреш-Вагохиды и Озоре-Тотипусты в каталоге золотых находок аварского периода из собрания Венгерского Национального Музея (Garam É., 1993, p.63, no.20d, Pl.27, 8, 9 (Дунапентеле, п.12); p.75, no.77, Pl.39, 5, 6 (неустановленные); pp.81-82, no.101a, Pl.48, 1, 2 (Кишкёреш-Вагохид, п.VIII); pp.83-84, no.101d, Pl.50, 7, 8 (Кишкёреш-Вагохид, п.II); p.100, no.122, Pl.85, 1-4 (Озоре-Тотипуста). Иллюстрации на Pl.50, 7, 8 и Pl.85, 1-4 сопровождаются рисунком, показывающим более мелкие детали подвески). Описывая эти золотые серьги как самые великолепные и наиболее ранние экземпляры среди серег с подвижными подвесками, она изменила свою прежнюю, неуверенную позицию относительно их происхождения и решительно объявила их византийскими, однако не привела каких-либо аргументов, подтверждающих такое заявление (Garam É., 1993, pp.26, 44). Поэтому неудивительно, что, наряду с серьгами из Игара, шесть пар серег помещены на страницах ее объемной монографии по византийским находкам аварского периода среди серег, украшенных драгоценными камнями и жемчугом (Garam É., 2001, pp.29-32, Pl.11, 4-8; Pl.12, 3, 5; Pl.VII, 1, 2, Pl.VIII, 2; Pl.IX, 1). Хотя серьги с подвесками-бусинами не были типичными образцами ранневизантийских украшений, равно как и серьги с дужкой и крючком-застежкой не встречаются среди аварских серег с подвесками-бусинами, Е.Гарам справедливо отметила, что бусинки на припаянном к дужке шипе и каплевидные драгоценные камни в конусовидном “колпачке” были популярными элементами на других ювелирных изделиях, изготовленных византийскими ювелирами. Недостаточное количество явных и прямых византийских аналогий, уже отмеченное А.Пастор (Pásztor A., 1986, p.129, note 88), и наличие элементов, которые могли быть заимствованы из Византии, позволили Е.Гарам прийти к заключению, что золотые серьги с под-

важными подвесками, найденные исключительно в женских погребениях, содержащих также множество дорогих византийских изделий, сами были не византийскими, а старательно изготовлены по тамошним образцам руками ювелиров из оногуров-болгар или авар (Garam É., 2001, p.31).

В своем первом исследовании украшений этого типа Е.Гарам упоминала похожую серьгу с подвижной подвеской из Келегеев (Garam É., 1980, p.160). В более поздней работе она также указала на экземпляры, найденные в погребениях из Ясиново, Зачепиловки (Новые Санжары) и станицы Романовской, как явные аналогии аварским серьгам (Garam É., 1993, p.43; 2001, pp.31-32)¹, однако без анализа природы сходства между этими изделиями, равно как и не обращаясь к вопросу их возможной связи с серьгами, датирующимися примерно тем же периодом, которые были найдены в степных районах Северного Причерноморья и аварских землях.

А.К.Амброз, впервые разработавший типолого-хронологическую систему для раннесредневековых материалов восточноевропейской степи, отнес серьги из Новых Санжар к группе аварских серег VIII в. с неподвижной подвеской-бусиной. Он не выделил серьгу с подвижной подвеской из кургана 5 Катанда-II в Алтае в отдельный тип (Амброз А.К., 1971а, рис.8, 12, 13, 24; 1971б, с.123). В более позднем исследовании он назвал серьги с подвесками-бусинами, типа пары из Новых Санжар, производными от византийских образцов, отмечая, что их разновидности оставались модными в степных кочевых обществах в течение многих столетий (Амброз А.К., 1981, с.18)².

И.Эрдели, один из немногих ученых, лично изучавших находки в коллекциях и записи в различных архивах в советское время, естественно, включил находки из упомянутых выше погребений в свою книгу, предназначенную для венгерских читателей и посвященную находкам аварского периода из восточноевропейской степи. Он подробно не останавливался на серьгах, несмотря на то, что механизм подвижного крепления подвески в промежутке между расши-

рениями на дужке был отчетливо различим на фотографиях инвентаря из Ясиново и станицы Романовской³.

А.И.Айбабин, переопубликовавший по современным стандартам погребения с конем, исследованные в Ясиново в 1889-1890 гг (Айбабин А.И., 1985, с.191-197, рис.1-7), кратко упомянул в описании находок, что пара серег имела подвижную подвеску из аметиста, и что аналогичные серьги известны в погребениях, обнаруженных в Келегеях, Новых Санжарах и станице Романовской, в каждом из которых находились византийские монеты. К сожалению, на рисунках серег из Ясиново и Келегеев не изображен этот конструктивный элемент (Айбабин А.И., 1985, с.195, рис.2, 10 (Келегеи) и рис.11, 12 (Ясиново)). Приблизительно в это же время А.И.Семенов опубликовал реконструкцию и новое описание захоронения с костями коня, найденного возле станицы Романовской в 1884 г (Семенов А.И., 1985), указав, что большое золотое кольцо с подвесной петлей, отмеченное в официальной описи находок, и маленькую золотую застежку с язычком и булавкой, сделанную из проволочного кольца, из реестра ГИМ можно соотнести с серьгой с подвижной подвеской, которая вместе с большинством находок из станицы Романовской выставлена в настоящее время в ГИМ (рис.10) (Семенов А.И., 1985, с.90-91)⁴. Сомнения в интерпретации этого предмета были, вероятно, вызваны тем фактом, что драгоценный камень и бусинки, украшающие подвеску и верхний шип, отсутствовали, когда находка впервые каталогизировалась. Характеризуя серьгу, А.И.Семенов отмечал, что она была более массивной, чем датируемые гораздо более поздним временем экземпляры салтовского типа, и что ее дужка была округлой, при этом наиболее близкими аналогиями он назвал экземпляры из Ясиново (Семенов А.И., 1985, с.96). На рисунке серьги не показано характерных расширений на кольце с промежутком для подвески, хорошо видимых на фотографиях, опубликованных ранее И.Эрдели и В.В.Кропоткиным (Семенов А.И., 1985, рис.7, 2; Кропоткин В.В., 1962, рис.18, 5; Erdélyi I., 1982, Приложение 30).

¹ Она сравнила серьги из Ясиново и Зачепиловки с экземплярами из Озори-Тотипусты в более раннем своем исследовании, написанном в 1970 гг, хотя в то время ее интересовали, главным образом, драгоценные камни, украшающие подвески (Garam É., 1979, p.54, notes 32-33).

² Хотя в подписи к рис.7, 27 указаны Глодосы как место находки, серьги на рис.7, 27, 28 происходят из Новых Санжар.

³ См. Erdélyi I., 1982, p.37, Приложение 12: "Пара золотых серег с аметистовой подвеской, чья форма напоминает семена дыни" (Ясиново); pp.38-39, Приложение 15а: "две пары серег, одна с аметистовой подвеской в форме дынного семени" (Новые Санжары); pp.41-42, Приложение 18: "серьги: 1 пирамидальная из золота, 1 с подвеской (фрагмент)" (Келегеи); pp.54-55, Приложение 30: "Золотая серьга, подвеска отсутствует" (станция Романовская).

⁴ Находки, хранящиеся в Москве, включая упомянутую серьгу, переопубликованы с цветными фотографиями (Menghin W., 2007, с.315-316).

Российские ученые склонны объединять серьги с круглой или овальной дужкой и подвеской-бусиной (либо составной, либо цельнолитой) внутри одного так называемого "салтовского" типа (Сташенков Д.А., 1997, с.61; 1998, с.215-216). Такие серьги были в моде в кон.VII – нач.X в. на обширной территории Восточной Европы, Средней Азии и Южной Сибири. Из-за широкой датировки и большой площади распространения этих серег российские ученые выделяли несколько региональных и хронологических групп, основываясь на материале, из которого они изготовлены, а также форме и способе крепления (Сташенков Д.А., 1997, с.61, 63; 1998, с.219, рис.5-6). Например, серьги, найденные в подкурганых погребениях новинковского типа в Самарской области на Средней Волге в 1980 гг и 1990 гг, как правило, составные, когда полая металлическая, стеклянная бусина или подвеска из драгоценного камня, присоединенная к нижней части дужки, была либо зафиксированной, либо подвижной (последняя обычно помещалась в промежутке между расширениями на дужке) (Сташенков Д.А., 1997, с.63, и илл. на с.62; 1998, с.221). Ввиду того, что самарско-симбирские экземпляры отличаются от классических, преимущественно литых, серег салтовского типа не только конструктивно, но также и хронологически, будучи более ранними, Д.А.Сташенков, который первым их описал, предложил для них термин "хазарский вариант" (Сташенков Д.А., 1997, с.63; 1998, с.221). Он отнес золотые серьги из Ясиново, Келегеев, Новых Санжар и станицы Романовской к раннему, "хазарскому" варианту серег салтовского типа, которые, по его мнению, были оформлены по общему византийскому образцу. Он полагал, что классический салтовский вариант произошел от этих экземпляров (Сташенков Д.А., 1997, с.63-64).

Д.А.Сташенков немного изменил свои взгляды после находки серег на могильнике Лихачевка и в свете данных о серьгах, изображенных на раннепюрикских каменных статуях. Он утверждал, что этот тип украшений развился в Южной Сибири на протяжении VII в., откуда затем был привнесен тюрками в Причерноморские степи, где местные ювелиры, знакомые с византийской техникой, изменили тип серег, чтобы удовлетворять вкусам своих булгаро-хазарских повелителей. Исследователь исключил возможность того, что "иранские" серьги с бусиной или подвеской из драгоценного камня, изображенные на сасанидских металлических сосудах IV-VI вв. и согдийской настенной живописи VII-VIII вв., повлияли на внешний вид серег салтовского типа (Сташенков Д.А., 1998,

с.220, рис.2-4). Д.А.Сташенков справедливо отметил, что серьги с подвеской-бусиной салтовского и аварского типов имеют много общего в плане их типологического развития; однако предпринятые им попытки синхронизировать относительную хронологию, разработанную Ф.Дэймом для серег с аварского могильника в Леоберсдорфе [Leobersdorf], с собственной абсолютной типолого-хронологической системой для серег салтовского типа были по существу ошибочны (Сташенков Д.А., 1998, с.218, 222, рис.6).

В 1999 г А.В.Комар, видный представитель постсоветской раннесредневековой археологии, издал монументальное исследование хронологии до-салтовского и раннесалтовского периодов в восточноевропейской степи. В своем анализе типохронологии погребения из Келегеев, которое он отнес к горизонту Перещепины (680-705 гг), исследователь отметил, что вторая серьга из погребения была "хазарского" типа (по определению Д.А.Сташенкова), который действительно широко распространился только в следующий период горизонта Вознесенки (Ясиново, Глodosы, Новые Санжары, станица Романовская, Директорская Горка, Камунта). Помимо того, что он описал серьги из погребений новинковского типа и к.5 могильника Катанда-II на Алтае, А.В.Комар был первым, отметившим их сходство с серьгами из Озоры-Тотипусты. По его мнению, серьга с изумрудной подвеской из Перещепины представляла собой самый ранний вариант "хазарского" типа, в подтверждение чего исследователь приводит похожий экземпляр, датированный по серебряной монете, чеканенной при императоре Константине IV и найденной в склепе 257 Эски-Кермена (Комар А.В., 1999, с.113-114, 118, табл.1, 118-124, 128)⁵.

А.В.Комар еще раз вкратце коснулся вопроса о серьгах "хазарского" типа, в частности, об их хронологии, в обширном исследовании Шиловских курганов (занимающих видное место среди курганных могильников Самарской Луки), в котором он рассматривал пару золотых серег с аметистовой подвеской и золотую сережку с подвижной подвеской (рис.12, 13) из ограбленного погребения кургана 1. Серьги с аметистовыми подвесками действительно напоминают золотые серьги из Ясиново с такими же подвесками, хотя у серег из Шиловки они неподвижные, в то время как у серег из Ясиново – подвижные. Из-за такого конструктивного различия, которое А.В.Комар не принял во внимание, я склонен считать серьги с аметистовыми подвесками из Шиловки близкими экземплярам с неподвижной изумрудной подвес-

⁵ Авторское обоснование абсолютной датировки предсалтовского горизонта см.: Комар А.В., 1999, с.131-132; 2006, с.121-125, 237-238.

кой из Перещепины. В приведенном А.В.Комаром кратком обзоре аналогий серье с подвижной подвеской экземпляры из Келегеев занимают видное место; он указывает на серьги из Новых Санжар как наиболее близкую аналогию пронизке из двух кружков зерни на верхней части подвески (Комар А.В., 2001, с.29, рис.5, 48-61).

А.В.Комар, по существу, повторил свои более ранние высказывания по поводу типологических связей серег из Перещепины, Новых Санжар, Келегеев, Ясиново, Шиловки, станицы Романовской, Дорофеевки и Глodos в археологической и исторической переоценке инвентаря из Перещепины. Самый ранний экземпляр в его ряду серег "хазарского" типа – пара с изумрудной подвеской из Перещепины, за которой следуют экземпляры из Новых Санжар, считавшиеся утраченными, но по счастливой случайности вновь найденные А.В.Комаром в Музее исторических драгоценностей (Киев), которые, как выяснилось, относятся к типу с неподвижной подвеской. Довольно странно, что он не включил в эту категорию серьги из Шиловки с аметистовой подвеской, несмотря на то, что они явно к ней принадлежат, в то время как упомянул экземпляры с подвижной подвеской из Келегеев, Ясиново и Шиловки. Рассматривая происхождение и распространение типа, он сослался на упомянутую выше работу Д.А.Стащенко. Наконец, А.В.Комар упомянул тот факт, отмеченный и другими исследователями, что изумруды, использованные для серег из Перещепины, аметисты для подвесок из Новых Санжар, Ясиново и Шиловки, набор сапфиров в большей пряжке из станицы Романовской, так же как изумруд и аметист, использованные для меньших пряжек, по всей видимости, были привезены из Византии, куда эти драгоценные камни поступали из Эфиопии, Индии и Цейлона. А.В.Комар также отметил, что торговля жемчугом и драгоценными камнями контролировалась государством, как, вероятно, и в случае экспорта изумрудов из Византии в страну эфалитов в Средней Азии (Комар А.В., 2006, с.62, 101-102, рис.24, 8-11, 14-19).

В своей недавней работе, посвященной этому вопросу, А.В.Комар подробно рассматривает изделия "тюрко-согдийского" типа в рамках перещепинской группы, которая была выделена ранее. Исследовав письменные источники VII в. о хазарах, он отмечает, что их авторы, принадлежавшие к самым разным культурным кругам, сходились во мнении, что хазары были ветвью тюркских народов. Приняв эти свидетельства очевидцев за отправную точку, А.В.Комар ставит вопрос о том, можно ли выделить погребальные обычаи и типы вещей западных тюрков в археологическом материале кон.VII в., обычно связываемом с хазарами

рами восточноевропейских степей. Отмечая, что археологические находки в настоящее время мало встречаются на территориях, где господствовали западные тюрки, А.В.Комар исследовал прическу, костюм, ювелирные изделия и разные другие предметы тюрков, изображенных на фресках зала во дворце Афрасиаба, местопребывании согдийских правителей, которые сейчас датируются приблизительно 662 г, и сравнил их с известными находками с территории восточноевропейской степи (Комар А.В., 2008).

На основании того факта, что серьги с округлой дужкой и каплевидной подвеской, напоминающие серьги "хазарского" типа, носили не только тюрки, но и согдийцы, и послы из Чаганиана, А.В.Комар пришел к заключению, что этот тип серег был в моде у центральноазиатской знати иранского происхождения, у которой согдийские тюрки переняли такие украшения. При этом исследователь соглашается с тем, что нельзя полностью исключать и противоположное влияние, потому что серьги такого типа носили также алтайские тюрки. В то же время серьгу с подвижной подвеской, найденную в 2001 г в Хошу-Цяйдаме в Монголии при раскопках захоронения кагана Бильге, умершего в 734 г, едва ли можно расценивать как окончательное доказательство тюркского происхождения данного типа, потому что она датируется более поздним периодом, чем настенная роспись. Наличие этих серег "восточного" типа в богатых погребениях группы Перещепины (Келегеи, Глodosы, Новые Санжары и Ясиново – в Причерноморье, и Шиловка – в Среднем Поволжье) и среди предметов туалета на портретах тюрков на настенных росписях Афрасиаба, а также распространение некоторых тюркских погребальных обычаев в восточноевропейской степи в конце VII в. дают все основания предположить, что хазарская элита этого периода была центральноазиатского, скорее всего, "тюрко-согдийского" происхождения (Комар А.В., 2008, с.290, 296-297, рис.1, 3-8).

Из вышеприведенного краткого обзора видно, что исследователи археологического наследия авар и других кочевых народов Восточной Европы кон.VII в. начали подробно изучать серьги с подвижной подвеской, расположенной в промежутке между расширениями на дужке, примерно в одно и то же время, хотя и независимо друг от друга. Большинство исследователей авар полагают, что серьги позднеаварского периода с подвеской-бусиной, присоединенной к округлой, а позже к овальной дужке, происходят от серег с подвижной подвеской, тогда как ученые, занимающиеся раннесредневековой археологией восточноевропейской степи, расценивают серьги "хазарского" типа как предшественники серег салтовского

типа, получивших широкое распространение и пользовавшихся популярностью в VIII-X веках. Истоки серег, появившихся у авар без каких-либо известных нам прототипов, искали в Византии; и наоборот, помимо византийского, предполагалось также ирано-согдийское и тюркское происхождение серег "хазарского" типа восточноевропейской степи, которые также появились без каких-либо местных прототипов. И Е.Гарам, и А.В.Комар отметили схожесть между серьгами с подвижными подвесками из богатых погребений в Озоре-Тотипусте, Игаре, Дунапентеле и Кишкёреш-Вагохиде, содержащих типичный инвентарь среднеаварского периода, и серьгами "хазарского" типа из богатых комплексов перещепинского круга, хотя ни один из них не предложил подробного объяснения природы сходства между ними.

Специалисты по аварскому периоду более или менее едины во мнении, что группы оногуров-болгар пришли в Карпатский бассейн из Причерноморских степей до 681 г (точная дата этой миграции, о которой можно судить из сопоставления письменных источников, неизвестна). Эта теория предлагает, по всей видимости, верное объяснение того, почему богатые погребения среднеаварского периода содержат византийские ювелирные изделия и монеты Констанса II и Константина IV, чеканившиеся между 654 и 681 гг, несмотря на то, что Византия прекратила выплату прежде ежегодной дани и регулярные дары, посылаемые аварам после поражения в Константинополе в 626 году. Я также согласен с мнением тех ученых, которые связывают погребения Перещепинского круга, изобилующие византийскими золотыми монетами и ювелирными украшениями, с наследием болгар-оногуров во главе с Кубратом, который был в хороших отношениях с императором Ираклием, и считаю, что византийские золотые монеты и ювелирные украшения, внезапно появившиеся на земле авар после пятидесятилетнего перерыва, не попали туда прямо из Византии, а были принесены искавшими убежище от хазар у аваров болгарами-оногурами, которые приобрели их, находясь еще в своих предыдущих владениях в Причерноморье. Заново проанализировав нумизматические находки VII в. с аварской территории, Валахии и восточноевропейской степи с точки зрения теории переселения болгар-оногуров, я пришел к выводу, что существовал непродолжительный, сроком в 20-25 лет, византийско-аварский союз, в результате которого авары вновь получили в собственность немалое количество византийских солидов и драгоценностей. Приняв

во внимание все слабости и заблуждения обеих теорий о происхождении византийских монет и украшений, без каких-либо явных предпосылок появившихся на территории аварского каганата, я решил, что детальное сравнение серег с подвижной подвеской "аварского" и "хазарского" типов, распространенных в течение примерно одного и того же периода на землях авар и в восточноевропейской степи, могло бы дать новые сведения, подтверждающие или, наоборот, опровергающие одну из этих теорий.

Очевидно, что Е.Гарам и А.В.Комар рассматривали создание приспособления, предотвращающего движение подвески в стороны, как то, что объединяет эти серьги. Каждая из рассматриваемых серег имеет два слегка расширенных участка на нижней половине дужки, и подвеску, расположенную перпендикулярно оси кольца в выемке между двумя расширениями. Эта ювелирная техника настолько характерна и уникальна, что ее истоки наиболее вероятно следует искать в едином круге ремесленников. Создание такого механизма без необходимых навыков было нелегкой задачей, что видно по копиям, сделанным местными аварскими мастерами, которые в большинстве случаев даже не пытались скопировать конструкцию, а просто установили кольца с каждой стороны подвески. Когда же они все-таки брались за создание этого механизма, в результате получались самые разные экземпляры (Pásztor A., 1986, Fig.2, 10, 11, Fig.3, 8-17, Fig.4, 1-6, 8-11, Fig.5, 1, 2, Fig.6, 5-12, Fig.7, 1-8, 10, 11, Fig.8, 4-6).

Прототипы серег отличаются более аккуратными деталями расширений на дужке по сторонам от выемки. Участки кольца расширяются в распробовидный выступ по единой плавной кривой на меньшей сережке из Озоре-Тотипусты, экземпляре из п.II в Кишкёреш-Вагохиде и на паре серег из Венгерского Национального Музея (рис.1, а, b; 2; 7). В отличие от них, на большей сережке из Озоре-Тотипусты, экземпляре из Дунапентеле, Игара и п.VIII из Кишкёреш-Вагохида расширенный участок изогнут слабо и соединяется с дужкой не плавно, а под углом (рис.3-5). В то время как случайная находка из Чойошпалоша, неопределенный экземпляр из музея в Кечкемете (рис.6) и золотые серьги из погребения II аварского могильника в Тополе (Бачтопойа-Банкерт) могут быть отнесены к группе подвижных подвесок с драгоценным камнем, у которых движение подвески в стороны ограничено парой припаянных к дужке биконических колечек или зерни⁶. Серь-

⁶ Рисунок этих трех серег см. в: Garam É., 2001, Pl.12, 4, 6, 7. Я признателен Ч.Балог за фотографию серьги из музея в Кечкемете (инв. номер 55.24.9).

ги из Ясиново, Келегеев, станицы Романовской и Шиловки, и вообще серьги “хазарского” типа с подвижной подвеской похожи на экземпляры с плавной изгибающимися расширенными участками (рис. 10, 13, 17). Две серьги из Новых Санжар (рис. 11) и пара из Дорофеевки занимают особое место среди экземпляров из Восточной Европы, поскольку, несмотря на то, что на дужке есть два расширения, ограничивающие подвеску, выемки для самой подвески нет. Шипы для крепления бусинок и драгоценных камней, а также маленькие колечки, к которым крепились подвески на экземпляре из Дорофеевки, были просто припаяны к выпуклому сегменту дужки⁷.

Другой общий элемент серег – это то, что подвески и шипы с бусинками, припаянные к верхней части дужки, были украшены драгоценными камнями и жемчугом, исключениями являются серьги из Игара и Дорофеевки, украшенные стеклянными бусинами. Драгоценные камни были огранены до каплевидной или шаровидной формы и просверлены. Многогранные камни в рассматриваемом здесь инвентаре из аварских и других погребений степняков встречаются лишь во вторичном применении, в частности, на меньшей застежке из станицы Романовской.

Третьей же, по-видимому, незначительной особенностью среди общих конструктивных элементов является то, что, если к дужке еще был припаян верхний шип с бусиной, он всегда устанавливался наклонно по отношению к оси подвески с противоположной стороны от места, где кольцо разомкнуто, как на экземплярах с аварских земель, так и на изделиях из восточноевропейской степи, исключениями являются одна из серег Новых Санжар и пары из Ясиново и станицы Романовской. Серьга, изготовленная в этой манере, могла носиться только вертикально, при этом верхняя бусинка оказывалась перед мочкой уха, что видно на фресках Афрасиаба (Комар А.В., 2008, рис.1, 1, 2). Несмотря на то, что наклонное положение верхнего шипа с бусинкой вполне оправдано, похоже, оно противоречило понятиям о симметрии аварских ювелиров или их заказчиков, поскольку у большинства местных серег с подвижной подвеской и позднеаварских серег с неподвижной подвеской, изготовленных по их подобию, верхний шип с бусинкой и

подвеска находились на одной линии с продольной осью дужки. Эти серьги были симметричными, но носить их можно было лишь под наклоном. Серьги салтовского типа, которые развились из “хазарского” типа, сохранили асимметричное положение верхнего шипа с бусинкой.

В дополнение ко множеству сходных черт существуют также и значительные различия между серьгами с подвижной подвеской “аварского” и “хазарского” типов. В первую очередь, следует упомянуть то, что подвеска из бусинки или драгоценного камня у аварских серег обычно имеет конусовидный или пирамидальный “колпачок” самого различного вида и художественного оформления – элемент, как правило, отсутствующий у хазарских серег; всего лишь у нескольких экземпляров “колпачок” имеет очень узкое углубление в основании, которое едва охватывает верхнюю часть бусинки. Выше уже отмечалось, что угловатая поверхность расширений на дужке у серег с аварской территории отличается от плавной изогнутости экземпляров “хазарского” типа⁸. Кроме того, эти серьги объединяет еще одно сходство, которое выделяет их из числа других серег с подвижной подвеской, а именно, у них есть маленькая биконическая “шайбочка” под бусиной верхнего или внутреннего шипа, и дужка украшена одним или двумя биконическими колечками (рис. 4, 5). Эти элементы, равно как и серьги с двумя или тремя шипами с бусинками (рис. 3, 4), не имеют аналогий среди восточноевропейских серег с подвижной подвеской. Вряд ли может быть простым совпадением и то, что дужка серег “аварского” типа всегда круглая (единственное исключение – это неопределенная пара в Венгерском Национальном Музее), в то время как восточноевропейские экземпляры имеют овальную или подовальную форму.

Дужка серег из Венгерского Национального Музея имеет уникальную форму, напоминая равносторонний треугольник с закругленными углами (рис. 7). Единственная почти идентичная сережка, хранящаяся сейчас в коллекции Диргардта Римско-германского Музея в Кельне (рис. 8а), была предположительно найдена в вестготском погребении в Испании (*L'Art Mérovingien*, 1954, p.44, Pl.26)⁹. Насколько нам известно, серьги с подвижной подвеской не встречаются среди вестготских находок в Испании, в меровингском и раннекарolingском

⁷ Определение серег из Новых Санжар см.: Комар А.В., 2006, с.62, прим.8. Я признателен А.В.Комару за фотографии серег, которые в настоящее время соединены в “цепочку”. Пара уникальных серег с двумя подвесками из Дорофеевки найдена в подбое погребения кургана 13, расположенного на берегу р.Аксаи в 8 км к востоку от Цимлянского водохранилища. Описание и рисунки серег см.: Круглов Е.В., 1992, с.152-156, рис.3, 7; 4.

⁸ Неопределенная серьга из Обуды также может быть отнесена к этой группе, хотя ее дужка четырехгранная в сечении. А.Пастор считала этот экземпляр поздним образцом группы: Pásztor A., 1986, p.114, note 35, Fig.8, 3; p.124.

⁹ В экспозиции пара золотых серег (D 982a-b и D983a-b) показана под номером 17 в разделе X вместе с вестготскими находками из южной Франции и Испании.

материале из Франции и Германии, а также в археологическом наследии лангобардов Италии или находках V-VIII вв. из Италии¹⁰. По-видимому, испанское и, шире, западно-средиземноморское происхождение серег с подвижной подвеской из коллекции Диргардта можно оспорить. Хотя серьги из Венгерского Национального Музея не определены, они, будучи опубликованы Е.Гарам, расцениваются исследователями как византийские изделия, найденные на аварской территории. Учитывая то, что за исключением необычной формы дужки, серьги демонстрируют все структурные элементы серег с подвижной подвеской, найденных в погребениях среднеаварского периода, такая культурная атрибуция представляется вполне оправданной.

В 1986 г археологи Ростовского университета исследовали несколько курганов с прямоугольными ровиками, расположенными у юго-восточной части Цимлянского водохранилища на левом берегу Дона. В их числе был раскопан к.14 группы Подгорненский IV, в котором была обнаружена могильная яма с подбоем, ориентированная по линии ЗСЗ-ВЮВ. На дне входной ямы находились части коня со сбруей (S-видные псалии, пара стремян с восьмеркообразной петлей и вогнутой подножкой, железные пряжки от узды, ремни подпруги и стремян) и части овцы. Взрослый мужчина был уложен на спине в подбое, вырытом в южной стенке могильной ямы, и сопровождался ножом, луком с костяными пластинами и несколькими стрелами, помещенными в колчан. Его пояс был украшен тиснеными позолоченными бронзовыми бляшками и застегивался литой бронзовой пряжкой. Поворотная пряжка имела рамку почковидной формы и ажурный щиток, украшенный растительным орнаментом. Солиды Констанса II были найдены в черепе и у плеча (МІВ 23, 651/2-654 гг; МІВ 31, 662-667 гг). Под правой височной костью находилась С-образная золотая серьга с шипом для крепления бусинки в верхней части, подвеска серьги отсутствовала (Bezuglov S.I., Naumenko S.A., 1999, pp.397-398, 400, Fig.1-5)¹¹.

Судя по опубликованному рисунку (однако, без описания) и фотографии (рис.9), вполне очевидно, что рассматриваемый экземпляр – серьга с подвижной подвеской, дужка которой с расширенными сегментами по бокам от выемки имеет ту же самую

необычную и редкую форму, как и экземпляры из Будапешта и Кельна. Поразительное сходство размера, формы и конструкции дужек едва ли может быть простой случайностью и позволяет предположить, что эти серьги были изделиями одного круга ремесленников.

На основании серег из Келегеев, Новых Санжар, станицы Романовской, Ясиново и других похожих, но еще неопубликованных экземпляров из Подонья, считающихся аналогиями серьге из Подгорненского, С.И.Безуглов и С.А.Науменко пришли к выводу, что такие серьги были в моде на территории восточноевропейской степи в сер.VII – сер.VIII в. (хотя следует принять во внимание, что пара из Новых Санжар не имеет подвижной подвески). Погребение из Подгорненского датировано последней третью VII в. на основании даты чеканки двух солидов Констанса II (Bezuglov S.I., Naumenko S.A., 1999, p.399). А.В.Комар отмечал, что параллели к литой ажурной пряжке, удилам и стремянам не встречаются в погребениях горизонта Вознесенки (705-725 гг) (Комар А.В., 1999, с.121-123, 132), а лишь в материале следующего горизонта Галиат – Геленовка (725-740 гг. “откалбированного” 725-737 гг по данным письменных источников) (Комар А.В., 2006, с.124, 238), и на этом основании он отнес к.14 Подгорненского IV к этому горизонту (Комар А.В., 2006, с.90, 119), имея в виду, что монеты были в обращении в течение 70-80 лет до их помещения в погребение, и их можно считать самыми старыми предметами в погребальном инвентаре.

Погребение 1 в к.3 из Романовки, раскопанное А.И.Семеновым в 1987 г, имеет множество аналогий с расположенным поблизости могильником Подгорненский IV как в плане погребального обряда (курган с прямоугольным ровиком, захоронение частей коня со сбруей, скелет овцы, сосуд в изголовье), так и находок в погребении (стремена с вогнутой подножкой, S-видные псалии, золотая серьга с подвижной жемчужной подвеской с конусовидным “колпачком”) (рис.15), что позволяет предположить его датировку не ранее 1-й трети VIII века. Пробитый, стершийся солид Констанса II (МІВ 33, 662-667 гг) (рис.16) носился в качестве подвески – это, судя по всему, самый старый предмет в погребении, поэтому он не может служить для его датировки¹².

¹⁰ Я хотел бы поблагодарить М.Шульце-Дёрлам за предоставленные данные по этим регионам.

¹¹ Два солида Констанса II были упомянуты А.И.Семеновым (Семенов А.И., 1991, с.126) и позже опубликованы С.А.Науменко и С.И.Безугловым (Naumenko S.A., Bezuglov S.I., 1996, p.247, Fig.1, 1, 2). К сожалению, они приняли дату чеканки второго солида (661-663 гг), неточно установленную А.И.Семеновым. А.И.Семенов любезно предоставил мне фотографию серьги и этих двух монет в 1994 г.

¹² А.И.Семенов дал краткое описание погребального инвентаря из Романовки и неточную дату чеканки солида (Семенов А.И., 1988, с.109), которая была принята российскими и украинскими исследователями (Bezuglov S.I., Naumenko S.A., 1999, p.400; Комар А.В., 2006, с.51). Я признателен А.И.Семенову за предоставленные мне для ознакомления материалы погребения, которое, насколько мне известно, остается все еще неопубликованным.

Это же справедливо для монет из погребений Дорофеевки и Шиловки, которые А.В.Комар отнес к горизонту Вознесенки (705-725 гг) (Комар А.В., 2001, с.30; 2006, с.238, рис.53). Из погребения в к.13 Дорофеевки происходят солид Фоки в 20 карат (МВ 20, 603-607 гг) и солид Ираклия в 24 карата (МВ 11, 616-625 гг). Солид Фоки имеет одно отверстие, монета Ираклия пробита в трех местах, что дает основания предположить, что первый носили в качестве подвески, а второй был нашит на костюм (Круглов Е.В., 1992, с.155, рис. 4, 1, 2). В катакомбном погребении из к.1 Шиловки был найден истершийся, пробитый солид Ираклия (МВ 21, 625-629 гг) (рис.14), использовавшийся как подвеска (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.109, 188, рис.22, 1, табл.ХІІІ, 9 и цветная фотография без страницы и номера рисунка).

Датировка погребения из Подгорненского IV 20-30 гг VIII в. не исключает возможность того, что сережка, подвеска которой уже отсутствовала к моменту ее помещения в погребение (рис.9), была изготовлена в 50-60 гг VII в., т.е. в то же время и в той же самой, вероятно, византийской мастерской, что и экземпляры из Кельна и Будапешта (рис.7, 8а). Если такая датировка и происхождение верны, это дает еще одно основание, чтобы отнести пару серег из Будапешта к среднеаварскому периоду и позволяет опровергнуть испано-вестготское происхождение пары из Кельна.

Конструктивные элементы (биконическое колечко, бусинка в "основании", два или три шипа с бусинками) и небольшие отличия (расширяющийся угловатый участок на дужке, округлая дужка, конусовидный "колпачок" по оси подвески из драгоценного камня или бусинки) серег с аварской территории ясно показывают, что эти экземпляры едва ли происходили из восточноевропейской степи. Это также подтверждается хронологической последовательностью серег с подвижной подвеской "аварского" и "хазарского" типов, поскольку восточноевропейские серги являются более поздними или, в крайнем случае, одновременными с аварскими, которые, согласно существующей хронологии, находились в инвентаре погребений посл. трети VII в., либо, самое позднее, нач.VIII века. Настенные росписи Афрасиаба показывают, что серги "хазарского" типа стали модными в Согде с 50 гг VII в., откуда затем они распространяются в восточноевропейские степи и появляются у тюрок Алтайского региона и Монголии. Истоки же серег "аварского" типа в свете вышензложенного следует искать в Византии, даже с учетом того, что серги с подвижной подвеской этого типа не были найдены за пределами аварских земель, с одним лишь исключением, представленным парой необычного типа в Венгерском Национальном Музее.

Три конструктивных элемента, присущие серьгам с подвижной подвеской как "аварского", так и "хазарского" типов (расширения на дужке с обеих сторон выемки для подвески, использование драгоценных камней и жемчуга и слегка асимметричное положение верхнего шипа с бусинкой), безусловно, указывают на единую традицию изготовления. Следовательно, этот тип украшений должен был появиться в регионе, где есть явные доказательства использования серег с тремя вышеперечисленными основными чертами, так же как наличия там драгоценных камней и жемчуга. Согд, предложенный А.В.Комаром, удовлетворяет всем этим условиям.

Мода на эти серги из Согда распространилась не только среди кочевников, но также и в Византии, где они были изменены ювелирами, которые добавили византийские элементы к основному согдийскому типу. Это объяснило бы "византийские" черты серег "аварского" типа, справедливо отмеченные Е.Гарам, которые напрочь отсутствуют у первоначального согдийского и "хазарского" типов, так как последний лишь изменил исходную согдийскую форму. В отличие от Д.А.Стащенко, я не исключал бы возможность, что согдийские мастера скопировали серги, известные по согдийским металлическим сосудам, и что происхождение типа следует искать в Иране, регионе, который поддерживал связи и с Византией, и со Средней Азией. Серги с необычной дужкой из Подгорненского, Будапешта и Кельна дают возможность предположить, что золотые серги византийского типа с подвижной подвеской попали не только к аварам, но и к другим кочевым народам восточноевропейской степи.

Исходя из того, что нет прямой типохронологической связи между серьгами "аварского" и "хазарского" типов, и нет другой правдоподобной альтернативы происхождению золотых серег с подвижной подвеской, известных на аварских землях, кроме как из Византии, их внезапное появление можно истолковать как следствие нового византийско-аварского "межгосударственного" соглашения, по которому аварская знать вновь получила значительное количество византийских солидов и драгоценностей после 50 гг VII в., что отразилось также в появлении монет Констанса II и Константина IV без каких-либо явных на то оснований. Хотя ирано-согдийские золотые серги, заимствованные византийскими ювелирами, использовались очень недолго, они оказали длительное культурное воздействие на ювелирные украшения: серги с подвеской-бусинкой, которые, возможно, происходят от них, носились на протяжении всего VIII в., до конца аварского периода.

Я получил фотографию меньшей пары серег из Озоры-Тотипусты (рис. 1а) после завершения рукописи¹³. Вначале я просил фотографию в Отделе Археологии Периода Миграции Венгерского Национального Музея, чтобы иметь возможность опубликовать эти серьги, которые были до сих пор известны только по рисункам. Изучая превосходного качества фотографии, я с удивлением обнаружил швы, указывающие на пайку не только в месте соединения расширений на дужке с самой дужкой, но также и в месте соединения внутренней стороны ободка расширяющегося участка и короткой проволоки, на которой висит подвеска (рис. 1б, синяя и красная стрелки). Тот факт, что диаметр проволоки, соединяющей два расширенных участка, меньше диаметра дужки, также указывает на то, что этот механизм состоит из нескольких элементов и изготавливался в несколько этапов. К сожалению, фотографий такого же хорошего качества других серег с подвижной подвеской в Венгерском Национальном Музее нет. На цветных фотографиях, опубликованных Е.Гарам, видно, что расширения на дужке большей пары из Озоры-Тотипусты, экземплярах из Игара и серьгах из Дунапентеле также были припаяны (рис. 3-5), в то время как намного более широко выступающие участки на серьгах из п. II Кишкёреш-Вагохида не имеют швов от пайки в местах соединения с дужкой (рис. 2). По этим фотографиям невозможно установить, как были соединены между собой внутренняя сторона расширенных участков и короткая проволока, с которой свисала подвеска. Также нечего сказать и о самих этих коротких проволочках не только из-за более низкого качества фотографий, но еще и потому, что, в отличие от меньшей пары серег из Озоры-Тотипусты, у которых короткую проволочку, примыкающую к расширенному участку дужки, можно ясно рассмотреть в малень-

ком промежутке между петлей подвески и расширениями дужки, в данном случае петля подвески полностью заполняет пространство между расширяющимися участками дужки.

Качество фотографий, на которых показаны серьги "хазарского" типа из Причерноморской степи, совершенно неподходящее для того, чтобы делать какие-либо заключения относительно технических деталей. Исключениями в этом отношении можно считать цветные фотографии серег из станицы Романовской (рис. 10), двух пар серег из Новых Санжар (рис. 11) и экземпляров из Подгорненского и Келегеев (рис. 9; 17). Хотя на этих фотографиях невозможно различить швы, которые указывали бы на пайку расширенных участков к дужкам, только в отношении серьги с недостающей подвеской из Подгорненского можно с уверенностью сказать, что расширенные участки и отрезок в промежутке между ними были выполнены как единое целое, без пайки (рис. 9). Напротив, расширяющиеся сегменты дужки по бокам промежуточного отрезка были припаяны у серег из Кельна (рис. 8б)¹⁴, которые по уникальной форме дужки аналогичны серьге из Подгорненского. Окончательное объяснение техники изготовления рассматриваемых здесь серег с подвижной подвеской может дать тщательная техническая экспертиза. Это же справедливо и для проверки выдвинутой в этой статье гипотезы относительно того, что конструкция из спаянных вместе нескольких элементов, которую мы наблюдали у меньших серег из Озоры-Тотипусты, в целом, типична для серег "аварского" типа, в то время как ювелирная техника, отмеченная в случае серег из Подгорненского, т.е. создание расширений по бокам промежуточного отрезка с выемкой из самой дужки, была более характерной для серег с подвижной подвеской "хазарского" типа.

¹³ Я хотел бы выразить благодарность Е.Гарам и Ж.Гайнал за присланную мне фотографию серег.

¹⁴ Я признателен Ф.Науман-Штекнер за фотографию, на которой показаны детали одной из серег (инв. номер D6633a) пары из Римско-германского Музея (инв. номер D 6633a-b).

Fig. 1a. Ozora-Tótipusztá, smaller pair of earrings (Hungarian National Museum, Budapest; photo by Zsuzsanna Hajnal).

Рис. 1а. Озора-Тотипуста, меньшая пара серег (Венгерский Национальный Музей, Будапешт; фото Ж.Гайнал)

Fig. 1b. Ozora-Tótipusztá, detail of the smaller pair of earrings (Hungarian National Museum, Budapest; photo by Zsuzsanna Hajnal).

Рис. 1b. Озора-Тотипуста, деталь меньшей пары серег (Венгерский Национальный Музей, Будапешт; фото Ж.Гайнал)

Fig. 2. Kiskörös-Vágóhid, Grave II (by: Garam É., 2001, Pl.VIII, 2).

Рис. 2. Кишкёреш-Вагохид, п. II (по: Garam É., 2001, Pl.VIII, 2)

Fig. 3. Ozora-Tótipusztá, larger pair of earrings (by: Garam É., 2001, Pl.VII, 1).

Рис. 3. Озора-Тотипуста, большая пара серег (по: Garam É., 2001, Pl.VII, 1)

Fig. 4. Igar, Grave II (by: Garam É., 2001, Pl.VII, 2).
Рис. 4. Игар, п. II (по: Garam É., 2001, Pl.VII, 2)

Fig. 5. Dunapentele, Grave 12 (by: Garam É., 2001, Pl.IX, 1).
Рис. 5. Дунапентеле, п. 12 (по: Garam É., 2001, Pl.IX, 1)

Fig. 6. Unprovenanced (Katona József Museum, Kecskemet; photo by Csilla Balogh).

Рис. 6. Неустановленного происхождения (Музей Йозефа Катоны, Кечкемет; фото Ч.Балог)

Fig. 7. Unprovenanced (Hungarian National Museum, Budapest; by: Garam É., 1980, Fig.4, 1-2).

Рис. 7. Неустановленного происхождения (Венгерский Национальный Музей, Будапешт; по: Garam É., 1980, Fig.4, 1-2)

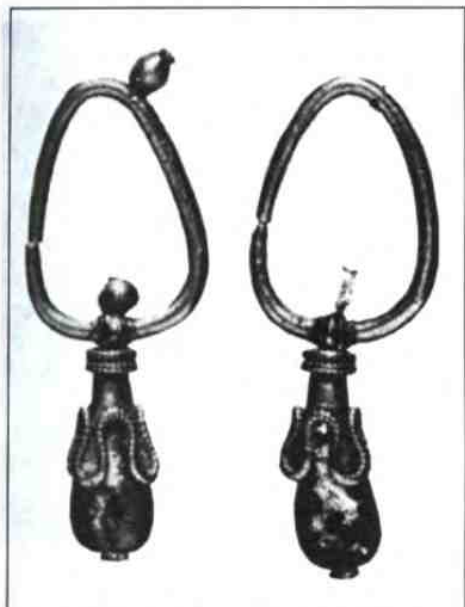

Fig. 8a. Unprovenanced (Römisch-Germanisches Museum, Cologne; by: L'Art Mérovingien, 1954, Pl.26).

Рис. 8а. Неустановленного происхождения (Романо-германский Музей, Кельн; по: L'Art Mérovingien, 1954, Pl.26)

Fig. 8b. Unprovenanced, detail (Römisch-Germanisches Museum, Cologne; photo by Friederike Naumann-Steckner).

Рис. 8b. Неустановленного происхождения, деталь (Романо-германский Музей, Кельн; фото Ф.Наумана-Штекнера)

Fig. 9. Podgornensky IV, Kurgan 14 (by: Безуглов С.И., Науменко С.А., 2007, colour plate).

Рис. 9. Подгорненский IV, к.14 (по: Безуглов С.И., Науменко С.А., 2007, цветная вклейка)

Fig. 10. Romanovskaya stanitsa (by: Menghin W., 2007, S.316, Abb.I. 27, 1).

Рис. 10. Станица Романовская (по: Menghin W., 2007, S.316, Abb.I. 27, 1)

Fig. 11. Novi Sanzhary (photo by Aleksey V. Komar).

Рис. 11. Новые Санжары (фото А.В.Комара)

Fig. 12. Shilovka, Kurgan 1, Grave 2 (by: Багаутдинов Р.С. и др., 1998).

Рис. 12. Шиловка, к.1, п.2 (по: Багаутдинов Р.С. и др., 1998)

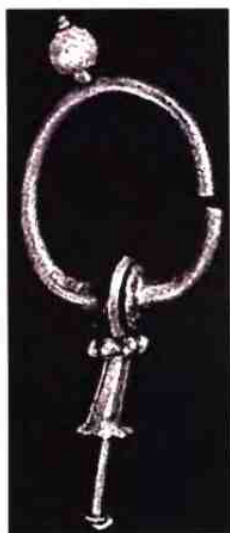

Fig. 13. Shilovka, Kurgan 1, Grave 2 (by: Багаутдинов Р.С. и др., 1998).

Рис. 13. Шиловка, к.1, п.2 (по: Багаутдинов Р.С. и др., 1998)

Fig. 14. Shilovka, Kurgan 1, Grave 2, solidus of Heraclius (MIB 21, 625-629; by: Багаутдинов Р.С. и др., 1998).

Рис. 14. Шиловка, к.1, п.2, солид Ираклия (MIB 21, 625-629 гг; по: Багаутдинов Р.С. и др., 1998)

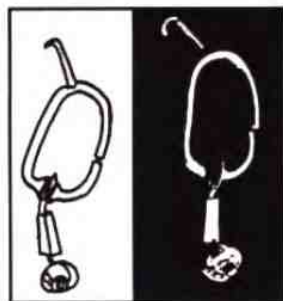

Fig. 15. Romanovka, Kurgan 3, Grave 1 (photo by Aleksey I. Semenov).

Рис. 15. Романовка, к.3, п.1 (фото А.И.Семенова)

Fig. 16. Romanovka, Kurgan 3, Grave 1, solidus of Constans II (MIB 33, 662-667; photo by Aleksey I. Semenov).
Рис. 16. Романовка, к.3, п.1, солид Констанса II (MIB 33, 662-667 гг; фото А.И.Семенова)

Fig. 17. Kelegei (photo by Aleksey V. Komar).
Рис. 17. Келегеи (фото А.В.Комара)

Литература и архивные материалы

- Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина// СА. № 3.
 Амброз А.К., 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы I// СА. № 2.
 Амброз А.К., 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы II// СА. № 3.
 Амброз А.К., 1981. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V-VIII вв.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
 Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Е., 1998. Праболгары на Средней Волге. Самара.
 Безуглов С.И., Науменко С.А., 2007. Курган раннехазарского времени на Нижнем Дону// Средневековые древности Дона. Москва; Иерусалим.
 Комар А.В., 1999. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии)// ВА. № 2.
 Комар А.В., 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
 Комар А.В., 2006. Перешепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII - нач.VIII в.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.5. Хазарское время. Донецк.

- Комар А.В.**, 2008. Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе// Днеслово. К.
- Кропоткин В.В.**, 1962. Клады византийских монет на территории СССР// САИ. Вып.Е4-4.
- Круглов Е.В.**, 1992. Хазарские погребения на р.Аксай// Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.
- Семенов А.И.**, 1985. Художественный металл Романовского погребения на Дону// Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.
- Семенов А.И.**, 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы// АСГЭ. Вып.29.
- Семенов А.И.**, 1991. Византийские монеты Келегейского комплекса// АСГЭ. Вып.31.
- Сташенков Д.А.**, 1997. Об одной группе украшений Самаро-Симбирского Поволжья (серьги салтовского типа)// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Сташенков Д.А.**, 1998. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы)// Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Bezuglov S.I., Naumenko S.A.**, 1999. Kazár kori kurgán az Alsó-Donnál// MFMÉ–StudArch. 5. Szeged.
- Čilinská Z.**, 1975. Frauenschmuck aus dem 7.–8. Jahrhundert im Karpatenbecken// SlovArch. 23. Bratislava.
- Daim F., Lippert A.**, 1984. Das awarische Gräberfeld von Sommerein am Leithagebirge, NÖ// Studien zur Archäologie der Awaren. I. Wien.
- Erdélyi I.**, 1982. Az avarság és Kelet a régészeti források tükrében. Budapest.
- Garam É.**, 1979. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kisköre. Fontes Archaeologici Hungariae. Budapest.
- Garam É.**, 1980. VII. századi aranyékszerek a Magyar Nemzeti Múzeum gyűjteményeiben// FolArch. 31. Budapest.
- Garam É.**, 1993. Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum// Catalogi Musei Nationalis Hungarici. Seria Archaeologica. I. Budapest.
- Garam É.**, 2001. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. Bis zum Ende des 7. Jahrhunderts// Monumenta Avarorum Archaeologica. 5. Budapest.
- Kovrig I.**, 1963. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán// ArchHung. 40. Budapest.
- L'Art Mérovingien**, 1954. Bruxelles.
- Menghin W.**, 2007. Merowingerzeit. Europa ohne Grenzen. Berlin.
- Naumenko S.A., Bezuglov S.I.**, 1996. Új bizánci és iráni importleletek a Don-vidék sztyeppéiről// MFMÉ–StudArch. 2. Szeged.
- Pásztor A.**, 1986. Adatok a középv-avarkori ékszerek kérdéséhez// ArchÉrt. 113. Budapest.

Статья поступила в редакцию в январе 2009 г